Глава 1 ~ Встреча на заднем дворе

1

Я была больна,

поэтому никто не играл со мной.

Я увидела кошку, словившую мышь.

Это случилось в мгновение. Я только увидела, как выскочила тёмная тень, и едва я опомнилась, как она оказалась чёрной кошкой с мышонком в пасти.

Мышка и не дёрнулась – должно быть, кошка поразила внутренние органы. И словно заметив мой взгляд, она посмотрела в ответ.

Её крупные, золотистые глаза были широко открыты.

Через некоторое время, кошка растворилась в переулке.

Я протяжно выдохнула. Как это было красиво. Образ этой чёрной кошки отпечатался у меня в глазах.

Такое подвижное тело, а глаза – полные луны. Такие же, как и мои, это так.

Но у меня не было клыков, подобных её. И у меня не было свободы.

Я вытянулась на своей запачканной кровати и уставилась наружу. Всё, что я могла делать каждый день, это выглядывать в окно на задний двор.

Почему, спросите вы?

Потому, что таков был мой образ жизни, мой удел.

Люди, проходившие мимо, меня не замечали. А если и замечали, то делали вид, что не заметили бледную девочку, всматривающуюся в них.

Порядочные люди хмурились так, словно увидели нечто непристойное, и поспешно удалялись.

Естественно. Это были трущобы.

Каждый живёт лишь для себя, не способный выделить время подать ближнему руку помощи.

«Эллен?»

Мама, нежно позвавшая меня по имени, вернула меня к реальности.

«Ты что-то увидела?», спросила она, поставив ведро с водой на пол.

Должно быть, она заметила, как я смотрела наружу с большим блеском в глазах, чем обычно.

Я легонько кивнула и начала говорить.

«Кошку..»

Выдала я голосом, более хриплым, чем ожидала.

Я немного откашлялась, затем продолжила.

«Я увидела, как эта тёмно-чёрная кошка поймала мышь».

«Ах», улыбнулась она. Её свободно вьющиеся светло-каштановые волосы свисали до самой ключицы.

Она окунула тряпку в ведро с водой и выжала её. Она аккуратно сложила её, затем положила руку на одеяло.

«Я сменю твои бинты».

Как только я кивнула, она оттянула одеяло к моим ногам.

Обе мои икры были перевязаны. Местами проступали красноватые пятна.

Когда она сняла бинты, потрескавшаяся кожа, отвратительно красная, предстала во всей своей неприглядности. Мама начала чистить её умелыми руками.

Я попыталась рассказать ей о том, как быстро, как изящно та кошка поймала мышонка. Но так как это, по сути, случилось в считанные секунды, я не смогла подобрать слов.

Пока я молчала, мама закончила перевязывать бинты и заново укрыла меня.

Она посмотрела на мою голову, и будто бы только сейчас заметив, сказала:

"Ой, твой бантик растрепался".

Она протянула к нему руки. Я понятия не имела как там мой бантик.

Она улыбнулась и молча указала мне смотреть в другую сторону. Я послушалась, повернулась телом в сторону окна.

Она развязала мой красный бантик и начала медленно расчёсывать мои длинные, сиреневые волосы. Бережно, чтобы не задеть повязок на моём лице.

Я замерла, не поводя и бровью. Я ждала, пока она проведёт расчёску через весь объём моих доходящих до талии волос, сверху донизу.

Это было почти как если бы она играла с куклой.

Каждый раз, когда она шевелила руками, приятный запах щекотал мой нос.

От моей мамы всегда веяло ароматом, подобным сладким мучным изделиям. Я полагала, что это объясняется тем, что её работа была делать подобные вещи.

Она всегда меняла мои бинты ближе к вечеру. Приблизительно в это время она возвращалась домой. Мне нравилось сочетание её приятного запаха и прохладного воздуха, что наступал с заходом солнца.

Время тянулось медленно.

Я закрыла глаза в уюте.

И тогда, мама прошептала.

"Мне жаль, что я не могу позволить тебе играть снаружи".

Мои глаза распахнулись.

Небольшой удар тока пробежал в голове. Это было что-то вроде сигнала, предупреждающего меня об опасности, который делал меня неподвижной.

В таких случаях я должна была тщательно подбирать слова. Механизмы в моей голове вращались в поисках ответа. Всё это в одно мгновение.

Я ответила так охотно, как только смогла себя заставить.

"Всё хорошо. Знаешь, мне нравится играть дома", сказала я, посмотрев на маму.

Она улыбнулась и продолжила расчёсывать меня, словно ничего не произошло. Как только я видела её улыбку, мои губы неуклюже улыбнулись за ней.

Я родилась нездоровой.

Но это не значит, что я всегда была заперта в этой тёмной комнате с самого рождения. Я не могла увидеть небо из этого окна, но всё же знала, насколько оно голубое, и знала запах травы. Когда я была помладше, я играла на улице.

С момента рождения, кожа на моём лице и ногах была воспалённой. Что-то было не так с моими суставами, так, что больно было даже ходить.

Никто не знал почему. Ещё меньше о том, как это лечится. Вокруг не было хороших врачей, не было у нас и денег на затраты.

Я вспомнила, что сказала нам гадалка.

"Болезнь этой девочки приходится на грехи её предков. Она будет страдать вечность".

Моя мама прокричала что-то, и увела меня оттуда за руку.

С нашим продвижением по улицам, её лицо приняло такой бледный вид, что казалось, она вот-вот упадёт в обморок.

В конечном счёте, всё, что мама могла для меня делать, так это защищать мою кожу бинтами и давать пить лекарства.

Я не знала, что это значило. На то время, я была лишь ребёнком, который просто хотел поиграть на улице. Мои ноги болели, но не настолько сильно, чтобы я не могла ходить. Мама разрешала мне выходить поиграть, когда я хотела.

Я могла прятать повязки на ногах за юбкой, но не те, что были на лице. Каждый раз, когда я шевелила или чесала своё лицо, гнилая, как передавленные черви, кожа бросалась в глаза через отверстия в бинтах.

Дети моего возраста считали меня омерзительной. Эта болезнь не была заразна, однако родители других детей боялись меня и не разрешали им ко мне приближаться.

Некоторые, увидав меня издалека, начинали шептаться. Я притворялась, что не замечаю их, и играла одна, слегка пошмыгивая носом. Но, всё же, это было лучше, чем находится в гнетущей комнате.

Когда я уставала играть, я возвращалась домой.

Я укладывалась, оставляя грязные вещи и повязки нетронутыми, и ждала возвращение мамы.

Однажды, она вернулась с работы как обычно. "Хорошо провела время?», она спросила, принимаясь за мои грязные вещи.

Я увидела её руку.

Не знаю почему, но я была переполнена тревогой, и казалось, все поры выдавали холодный пот. ...Всегда ли мамины руки были такими жёсткими?

Я не смогла открыть рот, чтобы спросить. Только от мысли о вопросе мои ноги сжались.

Я так и слышала нашёптывание - "Это твоя вина". Я вздрогнула.

Я не могла с уверенностью сказать, что жёсткость её рук была обусловлена исключительно заботой обо мне. Но не было сомнений, что это не давалось ей бесследно.

Если всё так и оставить, однажды мама обязательно бросит меня.

Такого было моё предчувствие.

Ты можешь быть добр к людям только тогда, когда тебе это удобно.

Мама не сказала ни слова. Но и без слов, я увидела, как её плотно сжатые губы винили меня, и жутко испугалась.

Нет. Я не хочу быть брошенной.

Это криком проносилось по всему телу.

Вероятно, именно тогда эти сигналы начали вступать в мою голову.

Начиная со следующего дня, я перестала ходить гулять. Я лишь покорно ждала в постели возвращения мамы с работы. Меня мог охватить зуд, но я сдерживалась от чесотки. Я хотела сократить время, которое она тратила на уход за мной, до минимума.

Ей казалось странным, что я так себя веду, но только поначалу. Вскоре, она выбросила это из головы.

На самом деле, она стала казаться добрее обычного. Возможно, лишь моя фантазия, но это не имело значения. Я была намного, намного больше напугана потерей любви моей матери, нежели чем неспособностью играть снаружи.

Ко времени, когда мне исполнилось семь, я была узником.

Я выбрала нелепую участь узника, скованного цепями из бинтов, питаемого только материнской любовью.

"Вот так".

Мама привела в порядок бант и поднесла зеркальце. В отражении я увидела тощую девочку, с лицом, завёрнутым в бинты. Сиреневые волосы, украшенные красным бантиком. За мной - женщину с шуршащими светло-каштановыми волосами, беззвучно улыбающуюся.

Она обняла мою спину, и стала нежно меня покачивать, словно колыбель.

"Моя дорогая Эллен..."

Я была погружена в покой маминым сладостным ароматом. Я взяла её худые руки и закрыла глаза.

Моя мама, мама, которая меня любила.

Я тоже её любила.

Быть брошенной моей мамой было бы равносильно смерти.

Ведь она была единственной, кто меня любил.

Если она не улыбалась, то и я не могла. Если она не любила меня, я не могла дышать.

Как всякая жизнь, нуждающаяся в опоре в этом мире, я держалась за любовь моей матери.

Ведь это были трущобы.

Прямо как каждый здесь цеплялся за жизнь, я цеплялась за её любовь.

"...Чёрт побери! Этого не может быть!"

Звук парадной двери, грубо открытой, означал, что папа вернулся домой. От неожиданности, мы с мамой отстранились. Вернее, это она сразу же отошла. Она держала мою руку, и небольшая дрожь выдавала её страх.

Наш дом был невелик, так что прихожая и моя спальня были почти рядом.

В центре комнаты стоял большой стол, отец сел и швырнул на него бутылку, которую приволок.

Я не знала, чем занимается мой отец. Насколько я помню, он приходил домой позже Мамы.

У него были короткие волосы и поношенные вещи, всегда измазанные в масле или чём-то другом.

«Придётся взять ещё в долг..»

Он что-то пробормотал. Я знала, что говорил он не сам с собой, а обращаясь к матери.

Она заговорила с ним вопросительно.

«Что там с профсоюзом?»

Отец лишь покачал головой.

«Не прокатит, они молчат. И они прекрасно знали, что нам некуда пойти, так что.. – чёрт!»

Рассерженный этими мыслями, он пнул ближайшее ведро.

Мама крепко сжала мою руку.

Время проходило неловко. Тиканье.. Тиканье часов отдавалось эхом по комнате. Отец протяжно выдохнул, оббежал нас глазами. Он перевёл взгляд с поникшей матери в мои глаза.

Я была взволнована, и было попыталась что-то сказать. Но он тут же раздражённо отвернулся, сделав большой глоток из напитка, что взял с собой.

Моё сердце сжалось в груди.

Он всегда был таким.

Мой отец не смотрел на меня.

Он относился ко мне так, как если бы меня вообще не было.

Он никогда не говорил мне, что любит меня, никогда не обнимал, но никогда не говорил, что ненавидит, и никогда не ругал. Сознательно он определённо знал обо мне. На самом деле, казалось, он делал всё возможное, что бы удержать меня абсолютно вне поля зрения.

Я однажды спросила маму, «Отец ненавидит меня?» Она категорично покачала головой.

«Нет. Определённо нет. Твой отец работает для тебя, Эллен».

«Но тогда почему он со мной не разговаривает?» Она усмехнулась и сказала,

«Он просто стесняется». Мне хотелось ей верить. Я хотела считать, что папа любил меня.

И когда я с надеждой встречала его взгляд, пытаюсь найти в нём хоть что-то, я снова и снова приходила к разочарованию.

Мой отец никогда не произносил моё имя.

Только мамино.

Позже, она встал со стула и подошёл.

Его целью была не я. Мама.

Он грубо потащил её за руку. Наши руки были разлучены, словно влюблённые, вынужденные расстаться.

Отец втащил её в другую комнату - единственную другую комнату - и закрыл дверь.

Затем, я слушала звук часов изнутри.

И вот я была предоставлена сама себе.

Я слышала крики за стеной. Шум становился тише, потом сменялся на разговор.

Так было принято.

Они всегда говорили там, где я не могла их видеть.

Я не знала, чем они занимались. Но мне казалось, что это что-то неотъемлемое для взаимоотношений мужчины и женщины.

Я однажды спросила маму, когда она выходила, «Чем вы занимались?» Она лишь взволнованно посмеивалась.

В эти моменты, я могла почувствовать нечто чужое в её сладком запахе, исходившее от её шеи. Я полагала, это был запах отца.

Пока она разговаривали, я бессмысленно тратила время, выглядывая наружу, отдирая этикетки с бутылочек с лекарствами.

Хотела бы я сказать, что мне давали немного времени побыть одной. Но на самом деле, меня просто бросали. Но думать об этом было слишком грустно.

Когда мне наскучивало сдирать обёртки, я принималась играть со старой куклой, которую я держала под кроватью.

Это была кукла в виде девочки-блондинки. Она носила фиолетовое платье и шапочку, не говоря уже о жутковатой улыбочке.

Мама вручила мне её, добавив «Я не нашла ни одной куклы с волосами как у тебя, Эллен. Но её вещи такого же цвета, как и твои волосы!»

Я приняла её, сделав радостный вид. Меня не заботило какого цвета были волосы у куклы. В конце концов, мне не совсем нравились мои собственные волосы.

Мои волосы были точно такие же светло-сиреневые, что и у моего отца. Наверное, если бы они были как у неё, отец соизволил бы на меня посмотреть.

Я расчёсывала волосы куклы своей рукой. Золотая пряжка вся была перепутана, с трудом пропускала мои пальцы.

Это начинало меня сердить. Я проталкивала руку, выдирая клубки наружу. Неорганические глаза куклы словно говорили со мной.

...«Это больно».

Замолчи. Тебе не может быть больно. Ты - кукла.

...«А сама-то ты не кукла?»

Я не была куклой.

Я отрицала это, глубоко в своём сердце, но вспомнила, как мама расчёсывала мои волосы.

Я была абсолютно неподвижна, позволяя ей делать со мной всё, что она захочет. Я просто сидела и ждала, пока она проведёт расчёску сверху донизу.

Кукла? Я?

...«Да, кукла».

Неправда.

Я продолжила выдирать клубки в пряди.

Мои глаза не мертвы, как твои. Мои глаза могут видеть самые разные вещи, самые разные места.

Хееееее.

Кукла захихикала, её шея вывернулась в странном направлении, лицо осталось неизменным.

...«Такие места, как задний двор? На этом - всё?»

Я почувствовала, как кровь поднялась к лицу.

Я тут же отбросила куклу. Она врезалась в стену и упала на кучу вещей на полу.

Я укрылась с головой, не желая ничего слушать.

Я терпеть не могла оставаться одной. Это заставляло меня слишком много думать. Слишком много слышать.

Я молила, чтобы мама поскорее ко мне пришла, и крепко-накрепко закрыла свои глаза. Мне не было холодно, но я вся дрожала. Вскоре, я уснула.

Когда я очнулась, мамина ладонь гладила мою щёку. Выражение её лица было пустым, но когда она меня увидела, то улыбнулась.

«Ты проснулась?»

Я молча кивнула.

Один только взгляд на её лицо успокоил меня.

«Я принесу тебе немного воды».

Она встала со стула и пошла к раковине.

Если подумать, настало время приёма лекарств.

Я выглянула в окно. Ночь ещё не наступила. Должно быть, я проспала совсем недолго.

С этими мыслями, я глядела вперёд, всё ещё вялая после дрёма. Машинально наблюдала за маминой спиной.

К чему бы это? Мне казалось она ни то чтобы особо для меня старается, скорее она от чего-то скрывалась.

Но чего?

Я посмотрела на дверь в другую комнату. Отец, который очевидно был ещё там, не мог снова утащить маму за руку.

Наконец, мама вернулась с чашкой воды и порошковым лекарством. Я медленно уселась на кровать и приняла его.

Затем, когда я рассеяно посмотрела на мамино лицо, я была поражена. Я сбилась с дыхания, словно осознала поразительную вещь.

Моя мама была потрясающе красива.

Это не была форма её лица. Её волосы были растрёпаны, и она едва ли пользовалась какой-либо косметикой. Она лишь слегка улыбалась.

Но её нижняя губа была красной от того, как часто она её жевала, и этот красный цвет казался единственным цветом во всей этой тусклой комнате.

Её смотрящие вниз ресницы иногда дрожали с воспоминаниями. Её взгляд, дыхание, сжатые руки, казалось, они все имеют какое-то значение

Я осознала: эта женщина – живая.

Я проглотила лекарство. Но оно не было горьким. Мой желудок уже давно стал невосприимчив к горькому вкусу.

Однако вода на дне моего желудка стала как извивающаяся змея, и пыталась сбежать через моё горло.

«...Мама!»

Я хотела закричать, но вместо этого позвала её.

Мой голос дрожал. Я готова была заплакать в любую секунду.

Как маме, наверное, это виделось, я была ребёнком, обеспокоенным за неё. Она взяла мою руку и нежно обняла меня.

Неспособная выразить те чувства, что нахлынули на меня, я отчаянно вцепилась в неё.

Не могла выразить? Не знаю, почему мне так казалось. Откровенно говоря, я хотела сделать вид, что не могла.

Даже окутанная маминым ароматом, чернота в моём животе никуда не делась. Вообще-то, она только стала глубже.

Я была напугана этим чувством, которое я никогда ещё не испытывала.

Это чувство, появившееся в моём животе.

Это была ненависть.

Я презирала её. Моя мама, которая заставила меня чувствовать, что она живая. Моя мама, что продолжала принимать любовь отца, который никогда не выделял мне и капли.

Я была озадачена столь гневным чувством.

Как я могла ненавидеть мою маму, которая была такой доброй и любящей? Я пыталась опомниться.

Чтобы избавиться от этих мыслей, я ещё крепче вцепилась в её руку.

Даже если кажется, что только у мамы есть цвет, всё хорошо. Пока она вот так обнимает меня, она придаёт цвет и мне.

Я Эллен. Любимая дочь своей мамы. Мне больше ничего не нужно.

Я отчаянно пыталась себя в этом убедить.

Но всё же, ненависть обосновалась в моём сердце, пытаюсь полностью меня подчинить.

Она даже поднялась к моим ушам нашептать, чтобы я её заметила.

«Так ли это?»

Я противилась желанию кричать и впрягла лицо в мамину грудь.

2

В тот день что-то было не так.

Я увидела тёмное пятно в привычном заднем дворе. Оно выглядело как обрывок чёрной ткани, или что-то покрытое чёрной краской.

У меня было плохое предчувствие.

Где-то в сознании всплыл образ красивой кошки, поймавшей мышонка. Наверное, это были останки той чёрной кошки.

После этого я могла видеть в пятне только кошку, и не могла успокоиться.

Не выдержав, я встала с постели. Перенеся всю нагрузку на ноги, я вся сжалась из-за сильной боли. Боль в ногах вскочила мне в голову, и слёзы выступили на глазах.

Было больно. Но недостаточно, чтобы я не могла ходить.

Опираясь на ближайший стул, я кое-как встала на ноги.

Я огляделась по комнате, но моих башмачков не было видно.

Должно быть, их убрали. В конце концов, мама решила, что я больше не буду выходить. Я и сама так думала, но всё же это меня немного огорчило.

Я вышла наружу босиком.

Солнце светило на меня, практически прямо надо мной. Яркие лучи меня слепили.

Опираясь рукой о стены дома, я прошла на задний двор.

Я тут же увидела чёрный объект. На подходе стало куда понятнее, что это была кошка.

Как я и думала, это были её останки.

Она лежала на боку на тротуаре. Одно из её глазных яблок выскочило наружу как опрокинутый шарик, а над вторым череп потрескался и был покрыт кровью.

В ужасе, я остановилась в нескольких шагах от неё.

Я посмотрела на неё, потрясённая тем, как она изменилась с момента нашей первой встречи. Я не могла уйти, но не могла подойти и на шаг ближе.

Мне вспомнилось ошеломляющее зрелище поимки ею мышонка.

Почему, и как это произошло?

Её переехал фургон? Или она была сброшена с большой высоты на землю?

Как можно было довести такое энергичное существо до такого ужасного состояния?

Я была опечалена.

Нельзя сказать, что я ненавидела того, кто с ней это сотворил. Всему виной этот город, который заставляет привыкать к тому, что такие вещи просто случаются, что меня бесило.

Я услышала как надо мной каркнул ворон. Я посмотрела вверх и увидела его на высоком заборе, распахнувшего крылья. Он пришёл за её плотью.

...Думаешь я тебе позволю?

Я приблизилась к чёрной кошке. Я решила, что не смогу оставить её вот так. Я взяла её обеими руками, чтобы защитить.

Она была лёгкой. И мёрзлой. Её тело окоченело в той позе, в которой я нашла её лежащей на земле.

Глаз, торчащий наружу, недвусмысленно давал понять, что ей больше не жить, но всё же когда я касалась её... она словно была чем-то. Вещью. Именно тогда я узнала, что когда умирают живые существа, они становятся не более чем вещами.

Я верну тебя к земле, поклялась я, неся вещь, что когда-то была кошкой.

Территория вокруг была вся вымощена. Негде похоронить животное. Но поблизости должен быть парк с рыхлой землёй. Полагаясь на воспоминания из раннего детства, я пошла в поисках парка.

Каждый мой шаг сопровождался пронзающей болью в костях. И поскольку я ходила по земле, выложенной гравием, босяком, я не была уверена, сколько этой боли приходится на состояние ног как таковых. Я прикусила губу и небрежно пошла.

Наконец, я зашла в парк.

Посередине стояло большущее дерево. Его листья были зелены и полны жизни; оно совершенно не вписывалось в общую картину этого города.

Здесь не было никаких игровых сооружений, достойных звания парка, только широкий простор, дерево, и скамейка.

Пожилая женщина, одетая в лохмотья, сидела на скамье, возившись со своей сумочкой. Заприметив меня, она на меня поглядела, затем равнодушно отвернулась назад к своей сумке.

Я зашла в тень от дерева. Земля проступала от основания, словно окружая его. Это напоминало кровать из цветов. Но все цветы увяли, воняло прогнившим мусором. За этим местом явно не было должного ухода.

Я нашла местечко, которое выглядело нетронутым, и нагнулась к нему.

Я положила кошку и вскопала землю.

Почва была на удивление мягкой. От неё исходила приятная прохлада. Я копала как какой-то крот.

Мои руки были свободны.

Мои руки были свободны.

Пусть на них проявлялись некоторые признаки болезни, я была благодарна за возможность шевелить ими обеими беспрепятственно.

Пот потёк по моим бинтам, потихоньку срывая их. Я потёрла свой нос, размазав грязь по лицу. Я небрежно вытерла его своим рукавом, ещё больше растрепав бинты.

Когда пот коснулся воспалённой кожи, она закипела. Сжав зубы, я терпела боль, продолжая копать.

Выкопав достаточно большую яму, я перевела дыхание.

Я поместила чёрную кошку внутри и осторожно заполнила яму.

В заключение, я сложила руки вместе и закрыла глаза. Я не знала что это значит, но я знала, что такой жест было принято делать для мёртвых... «вещей».

Больше я не слышала карканья ворона.

Я встала, чтобы пойти домой. Несколько секунд я не могла остановить головокружение. Я через силу моргнула и сумела начать идти.

Как только я покинула тень дерева, на меня набросилась внезапная усталость. Было такое чувство, будто уже прошёл целый день. Но солнце всё ещё было высоко в небе, всё так же опаляло тротуар передо мной.

Всё моё тело ныло, но я была чрезвычайно довольна.

...Теперь, чёрная кошка может вернуться к земле.

Конечно, я не думала, что это было то, чего она хотела, вернуться к земле. Это был мой эгоизм. Я просто не хотела её видеть, это когда-то живое существо, лежащее на холодном заднем дворе, заклёванное воронами, растоптанное прохожими.

По пути, мой рот расплылся в улыбке, я прошла мимо дамы средних лет, странно посмотревшей на меня.

Я поспешила выпрямить губы. Хотя, если задуматься, её смутило не моё лицо, но мой внешний вид.

Я остановилась и оглядела себя. Мои бинты были истрёпаны, одежда покрыта странными пятнами, сочетающими кровь и грязь. Обе руки были совсем чёрные. Я выглядела как ребёнок,

сбежавший из госпиталя и игравший в грязи.

Что подумает мама?

Я дрожала, представляя это.

Я поспешила домой.

Неожиданно, путь показался таким далёким.

Я должна была прийти домой до мамы. Должна была сменить одежду, помыть руки и ноги, и сменить бинты. Я должна была оставаться ребёнком, с которым не было много хлопот. Я совершенно забыла, что была узником.

Чтобы питать мамину любовь, я решила стать существом, навечно заключённым в кровати. Как я могла забыть об этом? Я была в холодном поту.

Наконец-то, я вернулась домой.

Ещё было полно времени до заката, я с облегчением открыла входную дверь, затем я застыла на месте.

Мне показалось, я услышала, как полуденное солнце окаменело.

Мама была на месте.

Она сидела в стуле, глядя в никуда.

Я тут же посмотрела на часы.

Она ещё не должна быть дома. Как так?

Вдруг, я почувствовала запах чего-то вкусного. На столе стояла корзинка с печеньем. Точно. Время от времени, очень редко, маме удавалось прийти с работы пораньше и принести домой немного выпечки.

...Но почему это должно было случиться сегодня?

Обратив внимание на входную дверь через несколько секунд, она медленно посмотрела на меня.

Прошло некоторое время, прежде чем её губы зашевелились, и она начала говорить.

«Эллен... где ты была?»

Я уже очень давно не видела её лицо таким истощённым. Что-то холодное пробежало у меня по спине.

«Я п-п... похоронила кошку».

«Кошку?» Она нахмурила брови.

Нет. Нет, не смотри на меня так.

Я сдержала слёзы и неуклюже улыбнулась.

«Да, чёрная кошка умерла... и я пошла её похоронить ... М-Мне так стыдно. За то, что я вышла наружу. Н-Но, я, я могу ходить. Это больно, но я могу терпеть. Я могу ходить сама, так что, так что я могу делать много чего сама, или помогать с чем-то...»

На этих словах, я впала в отчаяние.

Мама смотрела на меня всё с тем же выражением лица.

Пустые глаза. Пристальный взгляд. Она смотрела на мою грязную одежду.

Мои грязные, измазанные в земле пальцы. Мои окровавленные ноги.

Мама смотрела на меня как – как не на Эллен, но на болезненного ребёнка, который только отнимал её время. Я поняла, что совершила что-то, чего уже никогда не исправить.

Но даже зная её настрой, я отчаянно выдавала слова. Сигналы продолжали проноситься в голове. Ещё слово. Ещё слово. Обязательно подбери нужное слово.

Но я знала, что ни одно из них ни на что не повлияет. Несмотря на это, мой рот не прекращал движения.

Мать любила меня.

Но эта любовь держалась на плаву хрупким балансом. Дом без излишеств, дорогие лекарства, усилия для смены бинтов.

Я только что уничтожила этот баланс.

Я прокляла эту чёрную кошку.

Никакое почтение к мёртвым не могло остановить мою ненависть.

Почему ты умерла сегодня? Почему ты не умерла там, где я не могла тебя увидеть?

Несомненно, я была той, кто хотел её похоронить. Но моя дурная голова просто не могла заставить меня свалить вину на что-то другое.

Наконец, мама встала со стула. Она приготовила ведро с водой и начала мыть мои руки.

Она не была ни капельки груба. Всё прошло тщательно, как и всегда.

Я посмотрела на неё в замешательстве. Она улыбалась.

Но я не увидела и следа от той матери, которая говорила, что любит меня.

Сигнала продолжали проноситься в голове. Но как сломанные часы, которые только способны крутить стрелки, я ничего не могла сказать.

Я поняла, что совершила что-то, чего уже никогда не исправить.

И словно чтобы незамедлительно подтвердить правдивость этих суждений,

Мама перестала приходить домой.

3

Отец был больше всех ошарашен маминым отсутствием.

Кто-то с маминой работы пришёл к нам домой, отец наорал на него и заплакал, отказываясь разговаривать. В конце концов, сотрудник решил попытаться его успокоить, затем ушёл.

Отец повалился на землю в слезах, будто молясь богу, казалось, он даже не позволит мне погоревать.

Её исчезновение было совершенно неожиданным.

Она не оставила записки, ничего не сказала, оставила все свои вещи. Она забрала не больше чем расчёску.

Я не была «в горе», но, скорее, какая-то часть меня была поглощена чувством пустоты.

...Несомненно, это можно было назвать безысходностью.

Моё горло было высушено, я не могла уснуть. У меня не было сил подняться, или что-нибудь съесть.

Но по мере того как это продлилось два или три дня, я кое-что обдумала.

Возможно, мама просто немного утомилась.

Возможно, ей просто нужен был отдых от её изматывающей жизни со мной.

Как только она немного отдохнёт, она вспомнит меня и папу, которого она бросила, и поспешит домой.

Ведь я была её драгоценной Эллен. Ведь наверняка, я была слишком ценна, чтобы оставить меня позади. Эта слабая мысль постепенно стала убеждением, успокаивающим меня. Представляя маму, возвращающуюся домой, я могла спокойно уснуть.

Конечно мама вернётся. Она пожалеет, что когда-либо уходила, попросит прощения, и обнимет меня. И охваченная её ароматом, я улыбнусь и прошу свою маму.

Именно так.

Я отодвинула одеяло и встала с постели.

Для этого, я должна быть ребёнком, не нуждающимся в чужом времени.

Несколько дней, я сама меняла себе бинты, что я отказывалась делать до этого. Я даже выдерживала боль в ногах, чтобы набрать воды. Повторяя увиденное, я сама готовила себе еду.

Я представляла себе самого лучшего ребёнка, о котором мать может только мечтать, и принимала, и начинала входить в эту роль.

Хотя мы с отцом и жили вместе, мы всё ещё не обмолвились и словом. Он мог разговаривать с вещами, но никогда не со мной. Должно быть, он находил пугающим то, как я не плакала и приняла случившееся спокойно.

Наверное, мне стоило зареветь как дитя, и наговорить эгоистичных вещей.

Но тогда я не могла так поступить.

Слишком привыкшая к ситуации между моим отцом и мной, я не могла сама нарушить тишину. Я была одержима страхом, что если я использую слёзы, чтобы вызвать его беспокойство, я буду ещё сильнее игнорируема.

Уже однажды совершив подобную ошибку, я больше не осмеливалась что-то предпринять.

Отец постоянно был дома. Скорее всего, его уволили с работы.

Вскоре, к нему пришёл незнакомый мне мужчина.

Папа что-то от него получил и заплатил деньги. Как только он брал это в руки, он казался неугомонным и уходил в другую комнату, и не выходил оттуда какое-то время.

С каждым разом, отец выходил из комнаты всё реже и реже.

Душистый запах, исходивший из комнаты, становился с каждым днём всё сильнее.

Я упорно ждала маминого возвращения.

Я засыпала, представляя её, приходящую домой, и просыпалась, молясь, чтобы её рука оказалась у моей щеки.

Иногда я просыпалась, думая, что она пришла, но то был всего лишь ветер, пробежавший по щеке.

Кукла, которую я швырнула на стену, наклонила свою голову и посмотрела на меня.

Я почувствовала холодок. Пока я не могла услышать её смех, я нырнула под одеяло и накрыла свои уши.

С того дня, как я начала сама набирать себе воду, моим ногам становилось хуже.

Мои руки огрубели, прямо как я заметила за мамиными руками.

Я не умела нормально перевязывать свои волосы.

У нас оставалось совсем немного бинтов и лекарств.

...Со временем, папа перестал выходить из комнаты.

4

Это случилось посреди ночи.

Я проснулась с чувством жажды.

Я направилась к раковине шаткой походкой. Едва освещённая луной через окно, моя комната была бледно бела.

Трясаясь от холода, я налила себе немного воды, зачерпала её руками, и выпила.

Подумав, что стоит захватить немного бинтов раз уж я здесь, я открыла туалетный столик. Я была удивлена его освещённостью, и обнаружила, что осталось всего два или три рулона.

Фактически, лекарство, которое я приняла этим утром, тоже было последним.

Что случится, если я не приму лекарство? Я припомнила, как мама говорила, «Если ты не будешь это принимать, тебе станет хуже». Было ли это просто предлогом, дабы заставить меня пить горькое лекарство? Или всё же мне действительно могло стать хуже.

...Я не хотела думать об этом.

Я дрожала, но не от холода.

Я страдала уже достаточно долго. Даже если бы мне и стало хуже, это бы мало что изменило.

Я была совершенно обессилена.

Я начала возвращаться в постель.

По пути, я натолкнулась на стену и уронила бинты. Они укатились к прихожей.

Проследовав за ними, неожиданно, я заметила тусклый свет рядом с входной дверью.

...Не может быть.

Моё сердце заколотилось быстрее с надеждой.

Мои глаза и ноги сами собой направились к источнику света.

«Мама... ?»

Уже так давно я не слышала собственный голос.

Как только я заговорила, я увидела тень.

Мама стояла у двери. Она посмотрела на меня крайне удивлённо. Лампа на низком столике тускло освещала происходящее.

Ты вернулась?

Я не могла озвучить вопрос.

Я должна была быть переполнена радостью и обнимать её, но не могла пошевелить ногами.

Почему?

Женщина, которую я видела раньше, довела меня до этого.

Мамин вид был куда более опрятен, словно она была другим человеком. Её прежде взъерошенные волосы были аккуратно затянуты заколкой, и она носила незнакомый шарф вокруг своей шеи.

С большим чемоданом у её ног, она казалось готовой выдвигаться.

«Ты... куда-то уходишь?», я спросила напрямую.

Я не хотела выжать из неё информацию, не хотела и надавить на неё. Это просто был вопрос, пришедший мне на ум.

Мамино лицо смутилось. Немного помявшись, она решилась подойти ближе, я подбежала и обняла её.

Мои худощавые ноги болели. Но окутанная маминым запахом, я могла выкинуть боль из головы.

«Эллен...»

Мама обняла меня. Я могла почувствовать её дрожь. Она плакала, не издавая ни звука. Ей было грустно? Если нет, то почему? Я не знала.

Но мне тоже было грустно, и я обняла маму ещё сильнее.

«Мне жаль, Эллен...»

Жаль?

В своём воображении, я прощала маму снова и снова. Но сейчас, мне казалось, она извиняется по другой причине.

Я посмотрела на неё, будто ничего не поняла. Она отвела взгляд, не в силах смотреть на меня.

Когда я это увидела, мой живот весь сжался.

Вдруг, я увидела ситуацию, в которой находилась, объективно.

Моя мама не приходила домой. Она была странно одета. У неё был большой чемодан. И она пришла посреди ночи, когда папа спит –

Я опустила глаза.

На маме были милые туфельки.

Белые туфли, которые я никогда раньше не видела. Папа не был тем, кто мог бы их купить. У нас бы никогда не нашлось денег на подобную роскошь.

Значит, кто-то помимо отца купил ей эти туфли. И кем бы он ни был, мама собиралась уйти в них из дома.

Я не хотела в это верить.

Моё тело кричало. Но я не могла подобрать нужных слов.

Мама –

Мама собралась бросить меня.

Мамин запах, даривший мне такое блаженство, тут же стал чем-то отталкивающим.

Подобный белому молоку туман рассеялся, и я почувствовала, как ночной воздух касается моей кожи. Моя грусть испарилась.

С краю от меня, огонь от лампы колыхнулся. За ней лежал нож для поделок.

«Поладь тут с папой, ладно?»

Я не поверила своим ушам.

Какую чепуху несла эта женщина? Я скептически посмотрела на неё.

Отец ничего не признавал, кроме тебя, мама.

Ты не знаешь, как сильно он тебя любил?

Ты не знаешь, как сильно папа не любит меня?

Эта женщина действительно считает, что мы с отцом можем поладить?

Пусть он так сильно желает тебя, и так тебя любит, ты собираешься просто разлюбить его?

И -

Ты собираешься разлюбить меня, да?

Мама медленно отошла от меня и элегантно утёрла слёзы. У неё было лицо заботливой мамы.

Но я уставилась на неё, как на женщину, которую никогда не знала.

«Не скучай, Эллен».

Она взяла сумку и развернулась.

«Мама».

Я сразу же её остановила. Я не вложила в этой никаких чувств; на самом деле, казалось, кто-то другой сказал это слово.

Она взялась за входную дверь и помешкала несколько секунд. Она оглянулась с лицом, полным привязанности.

Я свесила голову и невнятно проговорила что-то тихим голосом, не слышно для мамы.

Она присела на корточки, чтобы услышать меня.

И тогда -

Я пронзила ей горло.

Маленьким ножиком неподалёку.

Красная кровь заструилась наружу. Женщина пыталась кричать. Я не останавливалась. Я продолжала колоть её шею. Снова и снова. С самых разных сторон. Женщина повалилась. Я сжала пальцы, чтобы удержать нож за спиной. Я наклонилась к ней. Я умывалась кровотоком.

Я знала, её шея слаба.

Поскольку кот атаковал мышью шею, и лишил её движения.

Мои руки были свободны.

Мои руки были свободны.

Я вспомнила чёрную кошку. Красивую чёрную кошку, поймавшую мышь.

Её оружием были её клыки. Я думала, у меня нет такого оружия. Это было не так. Моё оружие всегда было под рукой.

Если ты меня не любишь, ты не нужна мне.

Если ты любима, но не принимаешь этого, я тебя никогда не прощу.

Я признала это. Я признала тот факт, что ненавидела мать. И я завидовала ей, будучи женщиной сама, за то, что её любил отец.

Если бы только мама могла продолжать любить меня, это бы держало ненависть под замком.

Я бы могла любить её.

Я отпустила мамину любовь. За которую я так крепко держалась.

Глотая её тёплую кровь, я поняла.

Я могла дышать. Хотя я и убеждала себя, что если отпущу её, то не смогу.

Погруженная в море крови, я держала свой нож и хныкала.

Это была настоящая я.

Я была такой же, как люди на заднем дворе. Я избегала тех вещей, которые не хотела видеть. Я хотела жить в неведении. Оно определённо существовало, всё, что от меня требовалось, это признать его.

Когда я подняла своё заплаканное лицо и улыбнулась, рука потянулась ко мне. Я взялась за эту руку. И тут вдруг она обернулась кровавым ножом, и я стояла посреди прихожей.

Женщина передо мной сидела напротив двери и больше не разговаривала.

Я не могла шевелить конечностями, а в горле почувствовала пузырь.

Я чувствовала себя отвратительно. Жить не должно было оказаться так омерзительно.

Я научилась у мышки, которая быстро сошла на нет. Но всё же, верен ли был мой метод?
...Скажи мне, чёрная кошка.

Всё ещё крепко сжимая нож, я уселась на пол.

Вздохи приходили из недр желудка. Всё моё тело отдавало жаром боли и утомления, но моя голова, сама по себе, была в покое.

Женщина, которая была моей мамой, теперь была массой, издававшей жуткую вонь.

Противно.

Других ощущений этот вид не вызывал.

Я посмотрела на её ноги.

Белые туфли теперь полностью покрылись кровью.

Я аккуратно взяла одну туфельку меж пальцев и рассмотрела её поближе. Мне стоит сказать об этом человеку, который купил их. «Мне жаль, но вы уже никуда не сможете вместе пойти».

Капелька крови упала на конце туфли, напоминая слезу -

Топот.

Он донёсся сзади. Я услышала звук открывшейся двери в другом конце комнаты. Я обернула голову назад.

Отец.

Он медленно вышел из комнаты, глядя на меня.

Туфля выскользнула у меня из пальцев и упала на пол.

Моя рука дрогнула не из-за спешки, сожалений, или же страха.

...Это было чувство восторга.

Я невольно улыбнулась. Я чуть ли не завизжала в смятении. С трудом удержала бьющееся сердце, чтобы сделать этого. Чтобы встать и отойти, так, чтобы отец мог хорошенько разглядеть мамин труп.

Папин взгляд застыл. Он указал рукой на тело и подошёл.

Свет от лампы чётко освещал его истощённое тело. Оно напоминало износившуюся шелуху.

Его впавшие глаза отдавали странным мерцанием, когда он смотрел на лицо женщины, забрызганное кровью.

Я была в предвкушении.

Ведь он мог закричать «Это ты сделала?!». Ведь он мог ударить меня своей рукой.

Ведь, наконец-то, я могла обратить на себя папино внимание.

Отец обессилено склонился перед трупом. Трясущейся рукой он взялся за её подбородок. Убедившись, что это мама, он обнял тело и заревел подобно зверю.

Это меня слегка удивило, но он быстро перешёл на более тихий плач и стоны.

Я постаралась остаться спокойной и прошептала,

«Это я сделала».

Обратилась я к нему.

Я пыталась сдерживать свою радость.

«Это я сделала, отец».

Я с дрожью проговорила последнее слово. Множество раз в мыслях я обращалась к отцу, но никогда не выговаривала этого вслух. Это почти довело меня до слёз. Отец приподнял голову, но его заплаканные глаза не смотрел на меня. Они вернулись к трупам женщины.

У меня возникло неприятное ощущение.

Моё сердце билось в ожидании, но мой живот наполнялся чем-то другим.

Отец всё повторял имя женщины. Слово подтверждая мою тревогу, огонь лампы всколыхнулся.

«Это была я! Я сделала это!»

Я развела руки в стороны. Капли крови разлетелись от меня. В моей раненой, правой руке всё ещё был плотно сжат нож. Моё оружие.

Но отец только продолжал плакать и не сдвинулся с места.

Я побледнела.

«Папа».

Мой крик сменился плачем.

Как бы я не звала его, он даже не поглядывал на меня.

...Почему?

Почему ты не посмотришь на меня? Почему эта женщина?

Почему - почему ты должен каждый раз проявлять нелюбовь?

«Хватит».

Хватит. Не смотри на неё. Я не хочу видеть этого.

Чем громче становился папин рёв, тем сильнее я отчаивалась. В ушах стоял шум.

Зубы скрежетали.

Всё тело тряслось, и я завопила

«ХВАТИТ!!»

И я взмахнула перед собой ножом, чтобы опустить занавес на адскую сцену.

5

Я стояла в шоке.

Моя правая рука была тяжела, словно одержимая демоническим духом. Кровь – непонятно чья – стекала с лезвия ножа, оставляя пятна на полу.

Отец повалился прямо на мать. Передо мной лежало два наложенных друг на друга тела, словно не пропускающих меня к ним, и это меня раздражало.

Он держался за маму до последнего.

Он ничего не видел, кроме неё. Жизнь без неё была для него слишком мучительна. Что ж. Оно и к лучшему.

Я медленно стала отходить. Затем я заметила, что дверь в другую комнату была приоткрыта.

Комната отца. Вернее, комната отца и женщины, некогда бывшей моей матерью.

Я не могла свести глаз с щёлки в двери. Сердце стучало быстро, но умеренно.

Здесь стоял сладкий запах, не похожий на мамин. словно подталкиваемая сзади, я открыла рукой с ножом и ступила внутрь.

Мне был слышен только скрип двери. Комната была переполнена сладким запахом. Достаточно, чтобы задохнуться.

Внутри было очень темно.

У дальней стены располагалась одиночная кровать. Свеча на столе проливали неустойчивый свет на интерьер тесной комнаты

На столе лежали тарелки и чашки, а с ними тоненький, цилиндрический предмет. На конце выходил дым, и я знала, что это была курительная трубка.

Папина, полагаю.

Отсюда исходил этот сладкий запах.

Я медлительно прошла к постели. Вещи были разбросаны по всему полу, так что я могла споткнуться, если не была осторожна.

Я дошла до кровати и присела. Она была жёстче моей кровати, и на ней было неудобно сидеть. Неужели они отдали мне лучшую кровать? Эта мысль затруднила дыхание.

Я уже не могла узнать об этом наверняка.

Я уставилась на дым из трубки. Вскоре, мне показалось, что я увидела образ в дыму. Улыбающийся отец, мама, и я. Мы смотрелись как счастливая семья.

Ахх...

Я захныкала.

Почему это должно было случиться?

Иллюзия счастливой семьи исчезла, и я вернулась к двум трупам в проходной, и ножу на моих

коленях.

Почему всё так закончилось?

Я просто хотела, чтобы меня любили.

Я хотела любить их.

Глаза заболели. Наверное, дым просочился в них. Каждый раз, когда я моргала, моё зрение становилось всё менее ясным.

Никто не любил меня.

Почему?

...Потому что я была больна?

Я коснулась бинтов на моём лице, помесь пота, слёз, разбрызганной крови. Словно проверяя что-то, я коснулась потрескавшейся кожи.

«Уууугх...»

Я почесала свою воспалённую, змееподобную кожу. Она болела. Но словно одержимая, я продолжала чесать.

Из-за того, что я была больна – из-за этого –

Никто не любил меня. Все убегали от меня.

Папа не смотрел на меня.

Мама бросила меня.

Что я такое?

Эллен. Это моё имя. Но что такое Эллен?

Мои голые ноги пронеслись по холодному тротуару.

Они были окрашены красным моей кровью, и кровью других. Непременно, я оставляла следы. Наверное, я была рождена в красных башмачках. Я шла и думала.

Нож, который я сжимала, растаял во тьме и стал продолжением моего тела.

В трущобах не было уличных фонарей. Это была глубокая ночь, поэтому нигде в окнах домов не стоял свет.

Всем, что освещало меня, был слабый лунный свет. Некому было осудить меня за мои поступки. Те, кто мог бы это сделать, отложили весы правосудия и спали.

По пути, я поскользнулась и провалилась в скопище мусора.

Кучи сырого мусора, металлолома, и другого хлама.

Мои живот и желудок отдавали болью, поэтому я сначала плюхнулась на землю лицом. У меня не было сил лечь нормально, только крутить головой.

Я бессильно вздохнула и внезапно меня переполнила истома.

В правой руке, я всё ещё сжимала нож.

Грязный клинок смутно блестел, и мои истощённые пальцы тряслись.

«Ты умрёшь?»

Казалось, нож спросил меня.

Я немощно покачала головой.

Я не могу так поступить. Ведь ты - мои клыки. Кошка не может укусить собственное горло

своими же зубами, правда?

Я закрыла глаза.

Что мне теперь делать? Первым делом, завтра я проснусь. Но что на счёт следующего дня? Или следующего за ним?

Трясаясь на холоде, проливая слёзы от боли в ногах, проводя бессонные ночи на пустой желудок, я вскоре перестану двигаться, без сомнений.

Потом, возможно, кто-нибудь похоронит меня.

Возможно, добрые руки проведут меня в постель в земле.

Я знала, что этого не произойдёт.

Я похоронила кошку, потому что она была маленьким, слабым существом. Потому что я могла удержать её на руках.

И я знала её красивую фигуру. Я знала её красивый образ жизни. И я хотела обнять её.

В моём случае, кто вообще меня узнает? Кто мог смотреть на меня? И если и мог, кто бы подумал, что я красива?

Никто бы не протянул мне руки. Даже если бы кто-то и попытался, я бы по глупости отказалась от этого.

Я представила себя на месте этой чёрной кошки во дворе.

Ах... Пожалуй, это как раз для меня.

Я перестала об этом думать.

И тут -

«Йоу».

Внезапный голос вернул меня в сознание.

Он был похож на голос маленького мальчишки, при этом обладал невозмутимым тоном. Я ощутила некий заинтересованность, и поднялась.

Я огляделась в поисках владельца голоса, но никого не увидела.

«Сюда, Эллен».

Голос произнёс моё имя так, будто мы с ним давние знакомые.

Я посмотрела в его сторону и обнаружила чёрного кота, сидящего на потрескавшемся заборе. Я не знала, когда он успел туда забраться.

Луна висела прямо за котом, того же цвета, что и его глаза.

Я невольно вспомнила чёрную кошку, которую похоронила. Её глаза были такие же золотые.

Но они были иными. Они не были такими же. Потому что она была «котом».

Существо передо мной не было «котом». Коты не могу разговаривать, как люди.

«Ты настоящее спасение. Я мог умереть, я был так голоден».

Он облизал передние лапы с удовлетворением. Движение было таким же, как у обыкновенного кота.

Я протёрла глаза. Это не была иллюзия.

«Я...» я несобранно мямлила.

«Я что-то дала тебе?»

Наверное, обрадованный тем, что я откликнулась, кот вскочил, продолжая.

«Ага! Что-то вроде двух вкусненьких душ».

Я нахмурилась на его высказывание.

Что он только что сказал? Душ?

«Ну да, люди сделаны из душ и тел. Ты разве не знала?»

Я легонько повертела головой.

Кот прочистил горло - «Э-хем!» - и продолжил.

«Человек состоит из души и тела. Ты не можешь съесть их, пока они ещё живы. Но когда они умирают, ты можешь высосать душу прямо из них и съесть её. Нам не так просто их достать. Вот поэтому нам нужен кто-то, кто бы их прикончил, чтобы мы могли их слопать. Что ты и сделала сегодня, определённо выручив мою задницу! Но если бы тебя там не оказалось, я не знаю, что бы я сделал... Эй, Эллен, как делишки?»

Я выпрямилась, ноги всё ещё дрожали. Моё лицо, наверное, было бледным как ночной воздух.

«...Ты съел папу?»

Я не знала, что такое эти, так называемые, души. Но мне показалось, что это было нечто важное для человека.

И он это съел?

Я почувствовала, словно существо странной формы передо мной осквернило отца. Станным образом, женщина, которая когда-то была моей матерью, не пришла мне в голову.

«В общем, да, но...»

С виду, он выглядел заинтересованным. Но это явно было только с виду.

На деле, ему было всё равно.

«...Эллен. Да, может показаться эгоистичным, что мы делаем что нам вздумается с вещами, которые недоступны для парнишек и девчонок как ты. Но скажи я, что я его не сожрал, откуда тебе знать наверняка? И какая тебе разница, съел я его или нет?»

Кот взмахнул своим длинным хвостиком.

Мне нечего было ответить.

Всё было так, как сказал кот.

Кот молча посмотрел на меня. В его глазах был тот же холод, что у куклы, мне было неприятно. Я неосознанно отвела взгляд. Мои губы тряслись, то ли от холода, то ли от страха.

С чем конкретно я общалась?

Я вздохнула, чтобы увести безысходные мысли.

Я почувствовала, как боль в ногах вернулась. Мою руку ломило с биением сердца. Думая о себе, стоящей на твёрдом, ледяном тротуаре, я хотела заплакать.

Что я собиралась теперь делать?

Я думала, глядя на луну за чёрным котом. Луна, казалось, обернулась как-то красной, словно кровеносный сосуд проходил по небу.

«Ну так вот, я хочу отблагодарить тебя».

«Хах?»

Немного писклявый голос кота заставил меня опомниться.

«Демоны вроде нас могут получать души от таких детей как ты. И за это мы можем давать им магию в благодарность. Я подумывал дать тебе особенное заклинание, Эллен».

«...»

Я нахмурила брови, не желая прилагать больше усилий.

Мне даже не хотелось говорить.

«Эллен, я отдаю тебе дом».

...Дом.

Мои глаза немного открылись.

Чёрный кот, вроде, заметил.

«Тебе же некуда вернуться, ведь так? Долго ты так протянешь? Ты будешь просто волочить свои сгнившие ноги и помрёшь в этой дыре. Хреновая перспектива, не находишь? Не хочу для тебя подобного. Пойдём со мной. Я тебя прошу».

Слова кота прозвенели в ушах, в голове словно наступило цветение. Тёплое пристанище. Это то, чего моё холодное тело хотело больше всего на свете...

«Пожар!»

Вдруг, я услышала крик.

Я повернулась к нему и увидела огни на месте моего дома.

Пламя разрасталось, разделяя облака вокруг, неудержимое, сжигающее всё на своём пути в

разрушительном рёве.

Я с изумлением смотрела на огонь.

Дом, в который не было пути назад.

Дом, который никогда не любил меня.

Лица папы и мамы пришли на ум. В моей памяти, они были запачканы красным, перекрытые огнём на расстоянии.

Мои глаза болели, и не из-за дыма.

«Ну, что думаешь?», спросил чёрный кот.

Я повернулась к нему.

Меня не волновали демоны, магия, то да сё. Я просто знала, что если я скажу нет, я стану холодным трупом на заднем дворе.

...Мне не нравился холод.

Так что я кивнула.

Это было еле заметное движение, и, наверное, со стороны выглядело, будто я опустила голову. Но кот принял это как знак согласия, и мои чувства унесло как оборвавшуюся струну.

Люди приходили и подбегали, торопясь к огню или просто глазели на него издалека.

Но никто не заметил, там, на заднем дворе, девочку и чёрного кота, исчезающих словно поглощённых темнотой.

<http://tl.rulate.ru/book/22425/462776>